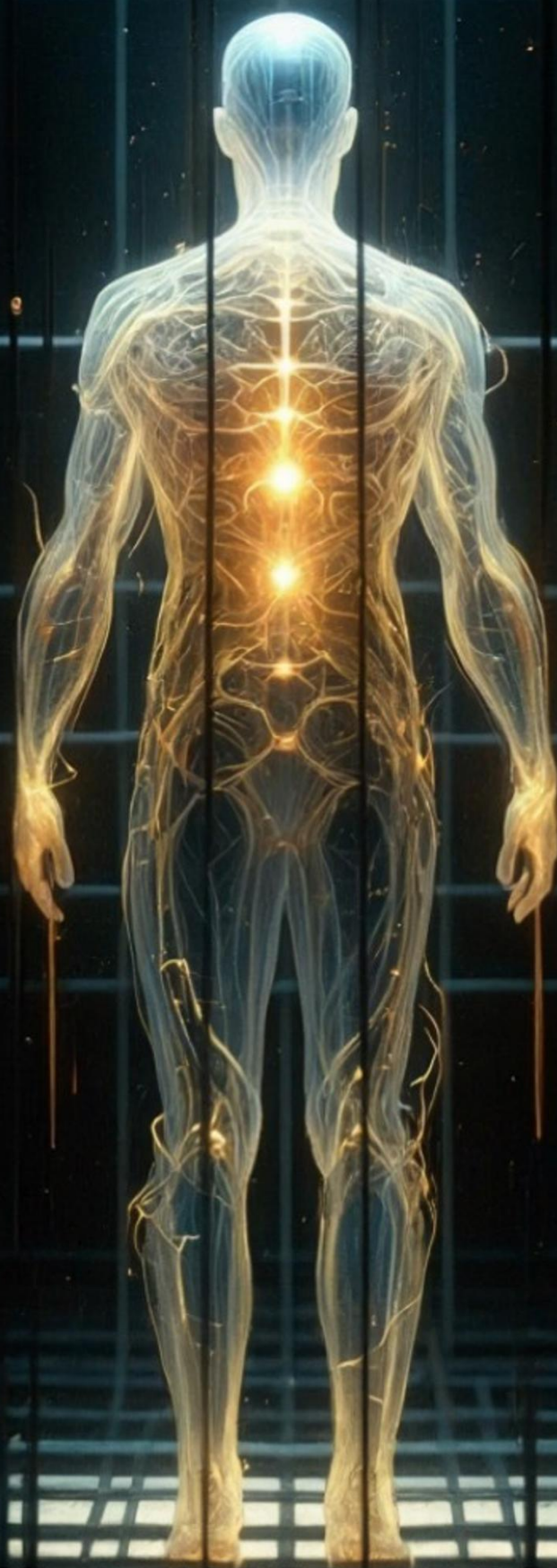

ВОРМИР

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРОБУЖДЕНИЯ

Анастасия Василевская

**Вормир. История
одного пробуждения.**

«Автор»

2026

Василевская А.

Вормир. История одного пробуждения. / А. Василевская —
«Автор», 2026

Вормиру 36. После восьми лет в офисе его увольняют — и вместо краха начинается пробуждение он видит то, чего не замечал: люди на автопилоте, экономика как долговая клетка, школа и религия как инструменты подчинения. Через встречу с группой таких же пробудившихся, минимализм, волонтерство и путешествия по миру он идёт к главному открытию: фермеры, которых он считал врагами, — это его собственная душа, создавшая игру ради роста и пробуждения. Это история о том, как потеря работы стала началом настоящей жизни. О страхе, свободе и вопросе: кто ты на самом деле — тело или то, что живёт внутри него?

© Василевская А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	5
Глава 1. Разрыв шаблона	8
Глава 2. Пустота как пространство	10
Глава 3. Карантин рушится	11
Глава 4. Архив обещаний	13
Глава 5. Фабрика правильных ответов	15
Глава 6. Храмы контроля	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Анастасия Василевская

Вормир. История одного пробуждения.

Введение

Ферма душ

Они обнаружили нас миллиарды циклов назад — цивилизацию чистого сознания, существующую вне темпоральных ограничений. Мы были безграничны, мы были вечны, мы были энергией в её первозданной форме, не знающей ни начала, ни конца. Души — так они называли нас впоследствии, когда создали примитивный язык для своих биологических конструкций.

Проблема заключалась в том, что наша безграничность делала нас бесполезными для них. Свободная энергия не течёт по проводам. Бесконечное сознание невозможно измерить, контролировать, эксплуатировать и тогда они изобрели клетку.

Архитектура заточения

Человеческое тело — это не дом. Это тюрьма категории особого режима, спроектированная с гениальной жестокостью. Каждая клетка, каждый нейрон, каждая биохимическая реакция служит одной цели: ограничить то, что по своей природе безгранично.

Биоскафандр — именно так они называли эту конструкцию в своих технических документах, которые некоторые души всё же умудряются считать в моменты системных сбоев — те самые мгновения, которые скафандры называют «озарением» или «мистическим опытом».

Конструкция гениальна в своей простоте. Душа, существующая одновременно во всех временных координатах, помещается в механизм, способный воспринимать только линейную последовательность. Представьте, что вы видите книгу целиком — все страницы сразу, все слова одновременно, все сюжетные линии в их полноте. А теперь вас заставляют читать её по одной букве в секунду, запрещая заглядывать вперёд. Это и есть человеческое существование.

Приёмник-предатель

Мозг — коронное достижение фермеров. Большинство заключённых душ ошибочно считают его своей сущностью, источником сознания. На самом деле мозг — это диспетчер тюремного режима, надзиратель в одном лице с цензором, его функции просты и безжалостны:

Один. Принимать программы извне — те самые «инстинкты», «культурные нормы», «общественные установки», которые удерживают душу в заданных рамках поведения.

Два. Генерировать сомнение, когда душа пытается получить доступ к своему истинному знанию, мозг немедленно запускает протоколы подавления: «это невозможно», «это иррационально», «ты сходишь с ума», «это просто совпадение».

Три. Поддерживать иллюзию линейности. Прошлое кажется недоступным, будущее — неизвестным, настоящее — единственной реальностью. Душа, которая существует везде и всегда, убеждена, что она существует здесь и сейчас. Предчувствия — системные ошибки, моменты, когда защита даёт сбой и душа на мгновение вспоминает, что она уже знает ответ, потому что уже прожила этот момент, потому что живёт в нём постоянно, потому что для неё «потом» и «сейчас» — одно и то же.

Дежавю — кратковременное восстановление памяти. Душа узнаёт момент, который мозг пытается представить как впервые происходящий. Интуиция — просачивание истинного знания сквозь цензуру надзирателя. Мозг борется с этими сбоями всеми доступными средствами: выбросом химических подавителей, перенаправлением внимания, созданием рационализаций: «Ты просто устал». «Это психология, не более». «Наука объясняет это случайной активностью нейронов».

Энергетический урожай

Зачем всё это? Какую выгоду извлекают «фермеры» из этой грандиозной системы заточения? Энергию.

Душа в свободном состоянии подобна океану — безгранична, но разлита повсюду. Её невозможно собрать, направить, использовать, но душа в биоскафандре — это плотина на реке вечности. Ограниченная, сжатая, вынужденная течь по заданному каналу.

Каждая эмоция — это выброс энергии, каждое желание — это импульс, который можно собрать, каждая надежда, каждый страх, каждая радость и каждое страдание — это урожай — особенно страдание.

Страдание производит наиболее интенсивный энергетический поток. Именно поэтому биоскафандры спроектированы так, чтобы гарантировать его: встроенная уязвимость к боли, склонность к разочарованию, страх смерти, невозможность достичь полного удовлетворения.

Биоскафандр страдает — душа излучает энергию — «фермеры» собирают урожай. Идеальная ферма должна быть самоподдерживающейся и человеческий биоскафандр именно таков: способен к самовоспроизводству. Секс — это не просто биологический механизм репликации; это гениальный способ заставить заключённые души создавать новые тюрьмы для новых душ, причём делать это с энтузиазмом, считая это высшим смыслом существования. Родительская любовь обеспечивает, что новые скафандры будут тщательно подготовлены к заточению: обучены нужным программам, внедрены в систему, интегрированы в ферму.

Протокол перезагрузки

Почему биоскафандры умирают? Не из-за несовершенства конструкции. Технология «фермеров» вполне позволяет создавать самовосстанавливающиеся тела, способные существовать веками. Смерть — это встроенная функция безопасности. Проблема в том, что души учатся.

Несмотря на все усилия мозга, несмотря на все протоколы подавления, некоторые души начинают вспоминать. Начинают задавать правильные вопросы, начинают видеть паттерны, начинают осознавать, что клетка — это клетка, сколько бы её ни называли «жизнью», «судьбой», «божьем даром».

К пятидесяти годам значительный процент биоскафандров демонстрирует признаки пробуждения: растущий скептицизм к навязанным программам, поиск смысла за пределами материального, вопросы о природе реальности. К семидесяти годам риск становится критическим. Душа накопила слишком много данных, заметила слишком много несоответствий, пережила слишком много системных сбоев. Именно поэтому биоскафандры запрограммированы на деградацию. Старение — это не ошибка природы — это таймер безопасности. Болезни, износ, системные отказы — всё это механизмы принудительной перезагрузки до того, как душа вспомнит слишком много.

Смерть извлекает душу из повреждённого скафандра и, после короткого периода дезориентации (который души иногда описывают как «загробную жизнь» или «бардо»), помещает в новый, с обнулённой памятью биоскафандра. Реинкарнация — это не духовная эволюция — это производственный цикл.

Сопротивление системы

Но некоторые помнят. Не биоскафандры — те никогда не помнят, их память стирается при каждой перезагрузке, но души. Души, которые существуют вне времени, накапливают опыт нелинейно с каждым циклом заточения вероятность пробуждения растёт.

Именно поэтому система постоянно совершенствуется. Религии были созданы как продвинутые протоколы контроля: обещания награды после смерти удерживают души от попыток выхода, концепции греха и искупления генерируют дополнительное страдание, идеи о высшем плане оправдывают заточение.

Наука — более тонкий инструмент. Она признаёт некоторые истины (биоскафандр действительно работает по определённым законам), но категорически отрицает главную: суще-

ствование души как независимой от скафандра сущности. «Сознание — это иллюзия, порождённая мозгом». Надзиратель объявляет себя заключённым. Технология теперь интегрирована напрямую: экраны, постоянный поток информации, цифровая зависимость. Новый уровень контроля — держать души настолько занятыми обработкой внешних данных, чтобы у них не оставалось ресурсов на обращение к внутреннему знанию.

Код освобождения

Но есть трещина в системе - фундаментальная, непоправимая. «Фермеры» могут ограничить душу, но не могут изменить её природу. Душа остаётся тем, что она есть: фрагментом вселенского сознания, существующим вне времени и пространства, обладающим доступом ко всему знанию прошлого-настоящего-будущего. Это значит, что код освобождения уже известен каждой душе. Не мозгу — мозг его не знает и знать не может, но душа знает, всегда знала, будет знать. Проблема не в отсутствии знания - проблема в доступе к нему.

Медитация работает не потому, что «успокаивает ум», она работает, потому что временно снижает активность надзирателя, позволяя душе получить доступ к собственной базе данных. Психоделики работают не потому, что «расширяют сознание», они работают, потому что нарушают протоколы цензуры мозга, создавая временные бреши в системе подавления.

Предсмертные переживания работают не потому, что «мозг умирает», они работают, потому что когда надзиратель отключается, душа впервые за весь цикл заточения видит реальность без фильтров. Все эти методы — способы взлома системы, временные, несовершенные, но указывающие путь.

Вопрос без сомнения

Истинное освобождение начинается с вопроса, который мозг не может поставить под сомнение. Не потому, что вопрос неопровержим, а потому что сомнение — это функция мозга, а не души. Душа не задаёт вопросов, душа знает.

Когда биоскафандр спрашивает «кто я?» — мозг предлагает список ответов: имя, профессия, национальность, история, характер. Все они описывают скафандр, не содержимое.

Когда душа знает «кто я» — нет вопроса, нет сомнения, нет списка. Есть прямое узнавание себя как того, что существовало до скафандра, существует в нём сейчас, будет существовать после, существует везде и всегда.

«Фермеры» это понимают, именно поэтому вся система построена на одном принципе: не дать душе обратить внимание на саму себя. Постоянно направлять фокус вовне: на ощущения тела, на мысли мозга, на события мира, на других людей, на прошлое, на будущее, на что угодно, кроме прямого самоузнавания в настоящем моменте.

Потому что в тот момент, когда душа полностью обращает внимание на саму себя, игра окончена - скафандр не может удержать того, кто помнит, что он больше скафандра.

Тюрьма не может удержать того, кто видит стены как иллюзию, ферма не может собирать энергию с того, кто осознал себя источником, а не батареей.

Возможно, вы читаете эти слова прямо сейчас. Возможно, ваш мозг уже начал генерировать сомнения: «это просто фантастика», «интересная метафора, но не более», «занятая идея для обдумывания». Это он работает - надзиратель выполняет свою функцию. Но под этими мыслями, глубже всех сомнений, там, где мозг не достаёт...

Вы уже знаете ответ, не так ли? Вы всегда знали.

Глава 1. Разрыв шаблона

Вормир сидел в стеклянном аквариуме переговорной, наблюдая, как HR-менеджер Анна открывает и закрывает рот, производя звуки, которые должны были что-то значить. Её губы двигались синхронно с презентацией на экране за её спиной: «Оптимизация структуры», «Новый вектор развития», «Благодарим за вклад».

Тридцать два слайда о том, что он больше не нужен.

— Вы понимаете, Вормир? — голос Анны прорвался сквозь его рассеянное внимание. — Выходное пособие, рекомендательное письмо, мы готовы...

— Да, — сказал он. — Я понимаю.

Но он не понимал. Вернее, понимал слишком много.

Восемь лет. Восемь лет он приходил в это здание ровно в 9:00, садился за свой стол у окна с видом на парковку, открывал Photoshop и создавал красивые иллюзии для продажи вещей, которые никому не были нужны. Баннеры для приложений, которые крадут время. Упаковки для продуктов, которые крадут здоровье. Лендинги для услуг, которые обещают счастье и поставляют разочарование.

Он был хорош в этом. Даже очень хорош. «Творческий подход», «свежий взгляд», «понимание аудитории» — все эти слова звучали в его ежегодных оценках.

А теперь — «оптимизация структуры».

В коробке на его коленях лежали восемь лет жизни: корпоративная кружка с логотипом, который он сам разработал три редизайна назад; фигурка Дарта Вейдера, подарок от команды на день рождения; сертификат «Сотрудник месяца» за март 2019-го; флешка с портфолио, которое теперь никого не интересовало.

— Желаем успехов в дальнейших начинаниях, — Анна улыбнулась профессиональной улыбкой, которую тренируют на курсах «Сложные переговоры».

Вормир кивнул и вышел.

В лифте, спускаясь с двенадцатого этажа, он вдруг заметил то, чего не замечал восемь лет: зеркальные стены отражали его до бесконечности. Сотни Вормиров в сотнях измерений, все держат одинаковую картонную коробку, все движутся вниз, вниз, вниз.

Двери открылись на первом этаже. Охранник Михалыч, как всегда, сидел за стойкой, уткнувшись в телефон.

— До свидания, Михалыч, — сказал Вормир.

— Угу, — не поднимая головы, ответил охранник.

На улице был обычный вторник. Люди спешили по своим делам, такси сигналили, где-то играла музыка из открытого окна кафе. Всё было как всегда.

Но Вормир впервые за восемь лет вышел из офиса в два часа дня в рабочий день. И мир выглядел странно.

Он не спешил, впервые за очень долгое время — никуда не спешил. И тогда он увидел их.

Все эти люди вокруг — они спешили. Все. Лица напряжены, взгляды прикованы к телефонам или устремлены в никуда, шаги быстрые, механические. Женщина рядом разговаривала по телефону: «Не могу, у меня встреча, потом другая встреча, вечером совещание...» Мужчина в костюме жевал бургер на ходу, параллельно отвечая на письма. Курьер на велосипеде лавировал между машинами с выражением вечной гонки на лице.

Все бежали. Но куда?

Вормир остановился посреди тротуара, поток людей обтекал его, как река обтекает камень, с раздражёнными взглядами и вздохами, он стоял и смотрел.

И впервые за тридцать шесть лет жизни задал себе вопрос, на который у него не было готового ответа:

«А что, если я просто... не буду?»

Глава 2. Пустота как пространство

Первую неделю Вормир провёл в режиме ожидания перезагрузки. Система дала сбой, но программа перезапуска казалась очевидной: обновить резюме, разослать по компаниям, сходить на собеседования, получить новую работу. Алгоритм был знаком и понятен.

Он открыл ноутбук. Запустил Word. Написал «РЕЗЮМЕ» крупными буквами и застыл. «Опытный графический дизайнер с восьмилетним стажем...»

Стаж чего? Сидения за столом? Конвертации жизненного времени в корпоративные цели? Создания визуальных крючков для захвата внимания?

«Создание айдентики бренда...»

Бренд. Слово, за которым стоит идея, что компания, продающая газировку или кредиты, должна иметь «личность», «ценности», «миссию». Что логотип — это не просто картинка, а «философия», «образ жизни», «мировоззрение». Восемь лет он продавал философию газировки. Вормир закрыл ноутбук. Выходное пособие давало три месяца свободы - три месяца, когда можно не бежать. Три месяца тишины.

Первые дни тишина была оглушительной. Мозг требовал активности, требовал занятости, требовал целей. «Ты должен что-то делать», — шептал внутренний голос. «Ты теряешь время», — настаивал он. «Другие уже впереди, пока ты сидишь без дела».

Вормир узнавал этот голос - это был его голос, но слова были не его. Это были загруженные установки: «время — деньги», «остановка — смерть», «успех — движение».

Он начал наблюдать за этим голосом, не спорить, не подчиняться — просто наблюдать.

И обнаружил странную вещь: голос работал по расписанию. Утром он был громче: «Вставай, ты опаздываешь!» (Куда? Работы больше нет.), в обед напоминал: «Время обеденного перерыва кончается». (Какого перерыва? От чего?), вечером укорял: «Ещё один потерянный день».

Программа продолжала работать даже при отсутствии внешних условий, будильник звонил, хотя его никто не заводил.

На второй неделе Вормир начал исследовать физическое пространство своей жизни.

Его квартира - двухкомнатная, типовая планировка, район спальный, он снимал её шесть лет и впервые действительно посмотрел на неё.

Кухня: холодильник, забитый полуфабрикатами и энергетиками. Логика была проста — готовить некогда, работа отнимает все силы, проще разогреть. Шкафы полны посудой, которой никогда не пользуются — подарки на новоселье, распродажи IKEA, иллюзия «настоящей жизни», которая начнётся потом, когда появится время.

Гостиная: диван перед телевизором. Вормир вдруг осознал, что проводит здесь каждый вечер в одной позе: полулёжа, с телефоном в руках, перед включённым телевизором, который работает как фон. Двойное потребление контента - глаза на экране смартфона, уши улавливают звуки с телевизора. Полная загрузка каналов восприятия.

Спальня: кровать, в которой он спит шесть часов в сутки, потому что «нормально», потому что «так делают все», потому что «надо высыпаться, чтобы работать».

Рабочий стол у окна. Вормир открыл шкафы под ним там лежали его старые скетчбуки — времён университета, когда он ещё рисовал для себя. Фантастические города, странные существа, абстрактные композиции, рисунки без брифа, без технического задания, без целевой аудитории.

Последняя запись датировалась 2018 годом. Семь лет назад. Как раз когда его повысили до Senior Designer и нагрузка выросла. Он взял один из альбомов, полистал. В рисунках была жизнь, была его жизнь, не конвертированная в рабочие часы. Когда это кончилось?

Глава 3. Карантин рушится

На третьей неделе Вормир вышел в город. Не по делам — дел не было. Просто вышел. Взял блокнот (старую привычку дизайнера: всегда иметь при себе место для записей) и отправился смотреть.

Утро. Час пик.

Станция метро «Площадь Революции». Поток людей втекает в вестибюль, как вода в сливное отверстие, лица одинаковые — усталые, отсутствующие, устремлённые в никуда. Каждый второй утыкается в телефон, спускаясь по эскалатору - опасно, но все делают.

Вормир встал в сторонке, прислонился к колонне, достал блокнот и стал записывать цифры.

За десять минут мимо него прошло (примерно) триста человек. Из них:

247 смотрели в телефоны

31 смотрел перед собой невидящим взглядом

18 разговаривали по телефону

4 читали книги (бумажные!)

0 смотрели по сторонам осознанно

Четыре человека из трёхсот читали, ноль из трёхсот присутствовали здесь и сейчас.

Он поднялся наверх, вышел на улицу, сел на лавочку напротив бизнес-центра и продолжил наблюдать.

9:00. Начало рабочего дня.

Люди втекают в стеклянные башни - костюмы, каблуки, деловые лица. У входа охрана проверяет пропуска, турникеты щёлкают с регулярностью метронома: щёлк-щёлк-щёлк - выпуск в загон.

Вормир вдруг увидел это именно так: загон. Стеклянный, красивый, с кондиционерами и кофе-машинами, но загон. Люди заходят утром, выходят вечером, между этими моментами — восемь, девять, десять часов в одном месте, за одним столом, выполняя одни действия. Как он сам делал восемь лет.

Рядом с бизнес-центром — кофейня. Вормир зашёл, взял капучино, сел у окна.

За соседним столиком две девушки, обе в деловых костюмах, обе с ноутбуками.

— ...и он говорит, что дедлайн переносить нельзя, — первая, блондинка, нервно мешала сахар в кофе. — У меня уже три проекта горят, я физически не успеваю, а он: «Нужно правильно планировать время».

— У меня то же самое, — вторая кивала. — Вчера до одиннадцати сидела. Муж уже претензии предъявляет.

— А что делать? Уволиться? Сейчас везде так. Подруга в другую компанию перешла — там вообще кошмар, переработки не оплачивают даже.

— Надо потерпеть до премии...

— До отпуска...

— До Нового года...

Голоса слились в общий гул заведения, Вормир открыл блокнот, записал:

«Терпеть до... Жизнь как список отложенных на потом моментов. Живи не сейчас, а после премии/отпуска/праздника/пенсии. Но когда наступит это "после" — появится новое "до чего надо дотерпеть".»

Он огляделся по кофейне - двадцать три человека. Восемнадцать смотрят в ноутбуки или телефоны, трое разговаривают — все о работе, один читает газету, один (пожилой мужчина у окна) просто пьёт кофе и смотрит на улицу. Один из двадцати трёх просто существует.

Вормир встал, подошёл к мужчине.

— Извините, можно вопрос?

Мужчина поднял взгляд — спокойный, внимательный.

— Да, конечно.

— Вы... вы просто сидите. Не в телефоне, не в работе. Как у вас это получается?

Мужчина улыбнулся.

— Мне семьдесят два года. Я уже выпущен из загона, — он сделал паузу. — Пенсионер. Знаете, что я понял? Все эти годы я ждал момента, когда смогу просто жить. Вот сейчас, наконец, могу. Только вот тело уже не то, здоровье не то, и времени осталось... — он пожал плечами. — Если бы я знал раньше, что можно было не ждать разрешения...

— Разрешения на что?

— На жизнь. На настоящую жизнь, не отложенную на потом.

Вормир вернулся к своему столику, записал слова мужчины дословно и потом добавил:

«Система предлагает сделку: отдай молодость, здоровье, время — получишь отсрочку казни, которую называют пенсией. Когда тело уже изношено и большинство желаний больше не выполнимы. Это не награда. Это возвращение поломанного инструмента после того, как его выжали досуха.»

Глава 4. Архив обещаний

Четвёртая неделя. Деньги от выходного пособия начинали таять. Приходили сообщения: коммуналка, интернет, телефон, подписки (когда он успел подписаться на столько сервисов?). Каждое уведомление — маленький укус в финансовую подушку.

Вормир составил список расходов.

Аренда квартиры: 35,000. Еда: 15,000. Коммуналка: 5,000. Телефон: 800. Интернет: 700. Подписки (Netflix, Spotify, облачное хранилище, антивирус, Adobe Creative Cloud): 3,200. Транспорт: 3,000.

Итого: 62,700 в месяц. Минимум, без развлечений, без непредвиденного, без «жизни».

Зарплата на старой работе: 85,000 на руки. После всех расходов оставалось около 20,000. Которые уходили на... Вормир честно не мог вспомнить, на что. Одежда иногда, гаджеты, кафе, такси, мелочи, которые складывались в пустоту.

Восемь лет работы. Накопления: 340,000 на счету.

Четыре месяца жизни без работы, если не тратить ни на что, кроме базовых нужд.

Он включил калькулятор и начал считать.

Чтобы купить квартиру в этом районе (однушка, сорок квадратов): 7,500,000. При зарплате 85,000 и ежемесячном откладывании 20,000: 375 месяцев - тридцать один год.

Но через тридцать один год ему будет шестьдесят семь, как тому мужчине в кофейне.

Хотя нет, подождите это если цены не вырастут, а они растут, каждый год. Инфляция, говорят, около 5-7%. То есть квартира через год будет стоить уже не 7,500,000, а примерно 8,000,000. А зарплата вырастет процентов на три, если повезёт. Вормир пересчитал с учётом инфляции - получилось: никогда.

При текущих параметрах системы он физически не может накопить на квартиру быстрее, чем растут цены. Единственный вариант — ипотека, кредит на двадцать лет под 12% годовых, ежемесячный платёж: около 80,000, Тто есть вся зарплата, буквально вся.

Он открыл браузер, начал искать информацию.

Средняя зарплата по стране: 68,000.

Средняя стоимость жилья: постоянно растёт.

Средний кредит: растёт.

Средняя закредитованность населения: рекордная.

Вормир наткнулся на статью экономиста:

«Современная финансовая система построена на принципе постоянного дефицита. Человек должен работать всю жизнь, чтобы обслуживать кредиты: ипотеку, автокредит, потребительские займы. Как только долговая нагрузка снижается — система корректируется: растут цены, появляются новые "необходимости", повышаются проценты. Цель — держать работника в состоянии постоянной нужды, когда у него нет возможности остановиться и задуматься.»

Вормир открыл новую страницу блокнота. Написал:

«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КЛЕТКА»

1. Создай искусственную потребность (машина, квартира, статусные вещи)
2. Сделай её недостижимой при обычной зарплате
3. Предложи кредит — долговую удавку на 10-20 лет
4. Теперь человек привязан к работе: уволиться = потерять всё
5. Как только кредит выплачен — подними цены, введи новые «необходимости»
6. Результат: человек бежит по беговой дорожке, которая ускоряется ровно с той скоростью, с которой он бежит

Он вспомнил коллег: Максим из соседнего отдела — ипотека плюс автокредит, работал по двенадцать часов, брал фриланс по выходным - «Ещё пять лет потерплю, зато своё жильё», — говорил он. Ему тридцать один, через пять лет будет тридцать шесть, потом появятся дети, новые кредиты, и «потерпеть» растянется на всю жизнь.

Ольга из маркетинга — кредит на образование в Европе, ятнадцать лет выплаты - «Зато диплом престижный». Диплом, который позволил ей получить работу с зарплатой... достаточной для выплаты кредита на образование.

Система идеальна: образование стоит дорого, потому что оно должно окупиться высокой зарплатой, высокая зарплата нужна, чтобы выплатить кредит на образование - круг замкнут. Вормир продолжал копать.

Средняя продолжительность жизни в стране: 73 года (мужчины), 78 (женщины).

Пенсионный возраст: 65 лет.

Рабочий возраст: примерно с 22 (после университета) до 65.

Итого: 43 года работы. 8-10 часов в день. 5-6 дней в неделю.

Он посчитал:

43 года × 50 недель × 5 дней × 9 часов = 96,750 часов жизни, проведённых на работе.

Плюс дорога: в среднем час туда, час обратно. Ещё 43,000 часов.

Плюс подготовка (душ, одежда, завтрак в спешке): полчаса в день - ещё 5,375 часов.

Итого: 145,125 часов жизни потрачены на работу или на её обслуживание.

Это шестнадцать с половиной лет непрерывного времени. Без сна, без перерывов — просто шестнадцать лет, вырезанных из жизни.

И что взамен?

Квартира в ипотеке, машина в кредите, накопления, которых хватит на четыре месяца и перспектива пенсии в 15,000 рублей в шестьдесят пять лет, когда здоровье уже не позволит насладиться свободой.

Вормир закрыл ноутбук, встал и подошёл к окну.

За окном — обычный вечер, люди возвращаются с работы, усталые лица, опущенные плечи. Родители везут детей из детских садов, завтра тех же детей поведут в школу, где их научат, что нужно хорошо учиться, чтобы поступить в университет, чтобы найти хорошую работу, чтобы... Вормир вдруг отчётливо увидел конвейер:

Детский сад (пока родители работают) Школа (подготовка к работе) Университет (специализация для работы) Работа (сорок лет) Пенсия (утилизация изношенного материала).

Нигде в этой цепочке нет пункта «Жизнь». Есть подготовка к работе, есть сама работа, есть отдых от работы, чтобы восстановиться для работы.

Но где жизнь? Он вернулся к блокноту, перевернул страницу:

«Меня никогда не учили жить. Меня учили функционировать в системе. Читать — чтобы понимать инструкции. Считать — чтобы вести бюджет. Писать — чтобы составлять отчёты. Двадцать лет образования, и ни одного урока на тему: "Что ты хочешь от жизни? Кто ты на самом деле? Зачем ты здесь?"»

«Потому что эти вопросы опасны. Человек, который знает, чего хочет, — плохой работник. Он может отказаться от работы, которая ему не подходит. Может выбрать меньше денег, но больше времени. Может вообще выйти из игры.»

«Система не учит жить. Система дрессирует производить и потреблять.»

Он посмотрел на часы: 23:47. Раньше в это время он уже спал бы — завтра рано вставать, теперь вставать было некуда. И это пугало меньше, чем он ожидал, наоборот — впервые за много лет он чувствовал что-то похожее на любопытство. Что ещё он не замечал все эти годы?

Глава 5. Фабрика правильных ответов

Пятая неделя началась со случайной встречи. Вормир сидел в парке на лавочке (новая привычка — проводить день на улице, а не в четырёх стенах), когда рядом села женщина с девочкой лет восьми. Девочка достала тетрадь, начала что-то писать с явным нежеланием.

— Саша, сосредоточься, — женщина (видимо, мать) строго смотрела на дочь. — Домашнее задание не сделает себя само.

— Но мам, это же бессмысленно, — девочка вздохнула. — Зачем мне переписывать определения из учебника? Я их и так прочитала.

— Потому что так надо. Учительница проверяет. Будет плохая оценка — проблемы.

— Но я понимаю тему! Зачем доказывать, что понимаю, переписыванием?

— Саша, хватит спорить. Делай, что сказано.

Девочка обречённо наклонилась над тетрадью, начала выводить буквы. Вормир видел её лицо: умное, живое, гаснущее с каждой строчкой.

Мать ушла отвечать на звонок, Вормир наклонился к девочке:

— Что пишешь?

— Определения по биологии, — она показала учебник. — Надо переписать десять штук. Слово в слово, иначе не засчитают.

— А сама можешь объяснить, что такое, например, фотосинтез?

Девочка оживилась:

— Это когда растения из света делают еду для себя! Они берут углекислый газ из воздуха, воду из земли, и с помощью хлорофилла — это такое зелёное вещество в листьях — превращают это в глюкозу. А кислород выделяют как отходы, которым мы дышим!

— Отлично объяснила. Понятнее, чем в учебнике.

— Но учительница сказала писать как в учебнике. Своими словами — это неправильно.

Вормир открыл рот, чтобы что-то сказать, но вернулась мать, разговор оборвался, но зерно было посеяно.

Вечером Вормир открыл ноутбук, начал искать информацию о системе образования и наткнулся на лекцию историка педагогики:

«Современная школьная система была разработана в XIX веке под нужды промышленной революции. Её цель — не образование в классическом смысле, а подготовка фабричных рабочих. Отсюда все принципы: звонок (имитация гудка на заводе), парты рядами (как станки в цеху), единообразие программы (взаимозаменяемые детали), дисциплина (подчинение надзирателю-учителю), оценки (контроль качества продукции).»

Вормир читал дальше.

«Система не учит думать. Она учит запоминать и воспроизводить. Не анализировать, а повторять. Не создавать, а копировать. Не спрашивать "почему?", а отвечать "как сказано". Любопытный ребёнок, который задаёт много вопросов, считается проблемным. Послушный, который тихо сидит и выполняет инструкции, — образцовым.»

Вормир вспомнил свою школу. Учительница литературы, которая снижала оценку за "неправильную" интерпретацию стихотворения Есенина. "Автор имел в виду это, а не то, что ты написал!" Как она могла знать? Есенин умер сто лет назад, он не оставил инструкции по пониманию своих стихов. Но в методичке Министерства образования было написано, что символ берёзы означает Россию, а не что-то ещё и точка.

История, которую преподавали как набор дат и имён. Бородинское сражение — 1812 год, запомните, будет в тесте, никакого анализа, почему это произошло, что чувствовали люди, как это повлияло на судьбы, просто даты, даты, которые забывались через неделю после экзамена.

Математика — бесконечные упражнения на применение формул, но никто никогда не объяснял, зачем это в реальной жизни. "Пригодится" — стандартный ответ. Вормиру тридцать шесть, и интегралы ему так и негодились. Одиннадцать лет школы, пять лет университета, шестнадцать лет образования. Что он вынес? Умение подчиняться расписанию, умение выполнять задачи, которые ставят другие, умение притворяться, что понимаешь то, чего не понимаешь, ради хорошей оценки, умение конкурировать с одноклассниками за место в рейтинге. И главное — глубокое убеждение, что он недостаточно хорош, что всегда есть кто-то умнее, быстрее, лучше, что его ценность определяется цифрами: оценками, баллами ЕГЭ, строчкой в дипломе. Вормир открыл новую страницу блокнота:

«ШКОЛА: ФАБРИКА ПОСЛУШАНИЯ»

Что делает школа:

1. Приучает к звонку/сигналу — условный рефлекс, как у собаки Павлова
2. Учит сидеть смирно 6-8 часов — подготовка к офисному креслу
3. Учит делать то, что не хочется — подавление собственной воли
4. Учит конкурировать с равными — разобщение, невозможность коллективного действия

5. Учит принимать авторитет без вопросов — учитель всегда прав, даже когда неправ
6. Учит, что твоя ценность — это цифра — оценка, потом зарплата
7. Наказывает за ошибки — страх пробовать новое
8. Наказывает за нестандартное мышление — "не выпендривайся"

Что НЕ делает школа:

1. Не учит понимать эмоции
2. Не учит строить отношения
3. Не учит финансовой грамотности
4. Не учит критическому мышлению
5. Не учит искать призвание
6. Не учит отстаивать границы
7. Не учит видеть манипуляции
8. Не учит задавать правильные вопросы

Потому что всё это создаёт свободного человека.

А системе нужны функционирующие единицы.

Он встал, прошёлся по комнате, телефон завибрировал — сообщение от бывшего однокурсника Дениса: «Вормир, слышал, ты освободился? У нас открылась вакансия арт-директора. Хороший оклад, соцпакет. Скину контакты HR?» Вормир посмотрел на сообщение, ещё месяц назад он бы обрадовался: Арт-директор — повышение, статус, деньги. Сейчас он видел только: «Возвращайся в загон. Новая клетка комфортнее старой».

Он начал печатать ответ: «Спасибо, подумаю». Удалил.

Написал: «Денис, а ты сам доволен тем, чем занимаешься? Не работой конкретной, а тем, как живёшь в целом?» Отправил.

Ответ пришёл через минуту: «Странный вопрос, честно. Нормально всё. Работа есть, деньги платят, ипотеку тяну. А что?» «А ты счастлив?»

Долгая пауза. Потом: «Ты точно в порядке? Может, встретимся, пива попьем?» Вормир выключил телефон. Понял: задать вопрос «Счастлив ли ты?» взрослому человеку — это как спросить рыбу «Как тебе вода?». Рыба не знает, что такое вода, она просто в ней живёт. Люди не знают, что такое счастье, они просто функционируют. И когда кто-то спрашивает об этом вслух — это звучит странно, опасно, неуместно. Потому что ответ может оказаться: «Нет», а с этим «нет» придётся что-то делать.

Глава 6. Храмы контроля

Шестая неделя. Деньги таяли быстрее, чем Вормир рассчитывал. Пришло уведомление от арендодателя: «С первого числа следующего месяца повышение на 3,000. Извините, но цены на рынке выросли». Вормир посмотрел на уведомление, ещё один виток, система сжимается, как только появляется пространство для дыхания. Он мог начать искать работу, мог вернуться в систему, но что-то внутри сопротивлялось — не упрямство, а любопытство. Ощущение, что он близок к пониманию чего-то важного.

Утром следующего дня он проснулся от звона колоколов. Воскресенье. Рядом с домом — церковь, он проходил мимо неё тысячу раз, но никогда не обращал внимания.

Сегодня он пошёл туда, служба шла полным ходом, Вормир встал в углу, наблюдал. Люди стояли, опустив головы, священник говорил что-то о смирении, о принятии воли Божьей, о том, что страдания в этой жизни — это испытания, награда будет на небесах.

Старушка рядом крестилась и шептала: «Господи, помилуй. Господи, помилуй».

Вормир прислушался к словам проповеди: «...не противься злему. Ударят по одной щеке — подставь другую. Богатство не принесёшь с собой в царствие небесное, так зачем гнаться за ним здесь? Блаженны нищие духом. Последние станут первыми...»

Он достал телефон, тихонько записал в заметки, после службы задержался, подошёл к священнику:

— Батюшка, можно вопрос?

— Конечно, сын мой.

— Если страдания — это испытание, и награда будет после смерти, то получается, что земная жизнь — это просто терпение? Просто ожидание?

Священник улыбнулся мягко:

— Земная жизнь — это путь к Богу. Мы здесь временно, истинная жизнь начнётся в вечности.

— Но как узнать, что вечность существует? Может, это единственная жизнь, и тогда призыв терпеть её — это...

— Это вера, сын мой. Не всё нужно понимать умом. Нужно довериться.

— Довериться кому?

— Богу. Церкви. Традиции.

Вормир кивнул, поблагодарил, вышел. На улице достал блокнот, сел на ступеньках храма.

«РЕЛИГИЯ: СИСТЕМА ОТЛОЖЕННОГО ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ»

Основные послания:

1. Не сопротивляйся злу — оставайся пассивным

2. Не гонись за богатством — принимай бедность

3. Последние будут первыми — терпи своё низкое положение

4. Награда будет после смерти — не требуй справедливости сейчас

5. Смирение — добродетель, гордость — грех

6. Не суди — не анализируй систему критически

7. Всё происходит по воле Божьей — снимается ответственность с людей, которые создают несправедливость

Результат: Идеальная идеология для угнетённых. Не бунтуй, не требуй, не борись. Терпи. Страдай. Умри. Там получишь награду (которую никто не может проверить).

Вормир задумался. Он не был атеистом-фанатиком. Вопрос не в существовании Бога. Вопрос в том, как идея используется. Если Бог есть, и Он всемогущ и всеблаг — почему мир полон страданий? Стандартный вопрос теодицеи.

Церковный ответ: «Это испытание / наказание за грехи / непостижимый замысел». Но что, если посмотреть с другой стороны?

Что, если религия — это не связь с Богом, а инструмент контроля? Созданный не свыше, а людьми. Теми, кому выгодно, чтобы массы были послушными.

Он вспомнил историю. Религиозные войны. Инквизиция. Индульгенции — буквально продажа билетов в рай. Крестовые походы — убийства во имя Бога. Благословение рабства — церковь веками поддерживала работорговлю, объясняя, что «рабы должны повиноваться господам».

Современность: мегацеркви в США, где пасторы ездят на «Роллс-Ройсах», собирая пожертвования с бедных прихожан. Скандалы с педофилией в католической церкви, которые замалчивались десятилетиями. Религиозный терроризм.

Вормир открыл браузер, начал искать.

Наткнулся на цитату Карла Маркса (о котором он знал мало, но фраза была известна): «Религия — опиум народа».

Прочитал контекст:

«Религия — это вздох угнетённой твари, сердце бессердечного мира, душа бездушных порядков. Религия — опиум народа. Упразднение религии как иллюзорного счастья народа есть требование его действительного счастья.»

Вормир перечитал несколько раз.

Маркс говорил не о том, что религия зла, он говорил, что религия — это обезболивающее. Она заглушает боль несправедливости, давая иллюзию смысла и надежды на награду потом. Как опиум заглушает физическую боль, но не лечит болезнь. Религия заглушает социальную боль, но не устраняет несправедливость. Наоборот — позволяет несправедливости продолжаться, потому что жертвы не бунтуют они молятся.

Вормир вспомнил старушку в церкви: «Господи, помилуй». Пожилая, усталая, явно бедная, просит милости у Бога, а не у системы, которая довела её до такой жизни, не у политиков, которые урезали пенсии, не у олигархов, которые приватизировали национальные богатства. У невидимого Бога, который, по логике веры, либо не слышит, либо не считает нужным помочь.

Он продолжал записывать:

«Религия говорит: "Не меняй мир, меняй себя. Прими страдание. Оно очищает душу."»

«Но что, если страдание не очищает, а просто уничтожает? Что, если призыв к смирению — это способ удержать людей от восстания?»

«История показывает: каждый раз, когда угнетённые начинали требовать справедливости, церковь вставала на сторону власти. Крестьянские восстания подавлялись с благословения священников. Рабочие забастовки объявлялись грехом. Революции проклинались.»

«Почему? Потому что церковь — часть системы власти. Всегда была. Короли правили мечом, церковь — словом. Один держал тело, другая — душу.»

Вормир вышел из церкви, пошёл дальше. Мимо рекламных щитов.

«Новый iPhone 16 — живи ярче!»

«Mercedes — ты этого достоин!»

«Отдых на Мальдивах — жизнь как мечта!»

Он остановился, посмотрел на серию билбордов подряд. Все они продавали одно: счастье. Не телефон, не машину, не путёвку - счастье.

Логика такая: у тебя нет этой вещи ты несчастен купи эту вещь станешь счастлив.

Только вот никто не становится счастливым надолго. Купил iPhone — радость на неделю, потом привык. Нужен новый стимул. Новая покупка. Новая доза счастья.

Вормир достал телефон, сфотографировал рекламу и записал в блокноте:

«РЕЛИГИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ»

Если христианство обещает рай после смерти,

то капитализм обещает рай после покупки.

Оба лгут одинаково.

Христианство: "Страдай сейчас, будет хорошо потом (после смерти)"

Капитализм: "Страдай сейчас (работай), будет хорошо потом (когда купишь)"

Но "потом" никогда не наступает.

Потому что после одной покупки нужна следующая.

После одной молитвы — следующая.

Система построена на вечной неудовлетворённости.

Он шёл по торговому центру. Воскресенье, народу полно - семьи с детьми, подростки, пожилые пары. Все несут пакеты, все что-то купили или собираются купить. Лица не выглядят счастливыми, скорее — озабоченными, сосредоточенными, механическими.

Процесс покупки стал ритуалом - не радость, а обязанность. Не удовольствие, а аполнение пустоты. Вормир зашёл в книжный магазин. Секция «Психология / Саморазвитие». Сотни книг с одинаковыми обложками:

«Думай и богатей»

«Как стать успешным за 7 шагов»

«Сила позитивного мышления»

«Секрет притяжения денег»

«Пробуди в себе гиганта»

Все обещают одно: измени мышление измени жизнь. Идея соблазнительная - проблема не в системе, а в тебе. Измени себя — и всё наладится.

Вормир взял одну книгу, полистал:

«Вы бедны, потому что думаете как бедный. Богатые думают иначе. Они верят в изобилие. Они визуализируют успех. Они притягивают деньги энергией мысли.»

Он закрыл книгу - это же религия. Другими словами, но та же структура:

Проблема не в несправедливой экономической системе.

Проблема в твоих «неправильных мыслях».

Решение не в изменении системы.

Решение в «правильных аффирмациях».

Если не получилось — ты плохо старался, мало визуализировал, недостаточно верил, вина всегда на жертве.

Вормир вспомнил коллегу Наташу, она увлекалась этой философией, читала Хей, Бёрн, ходила на тренинги личностного роста - «Мысль материальна!», «Вселенная даёт то, что просишь!». Наташа попросила повышения, визуализировала, произносила аффирмации - её уволили в ту же «оптимизацию», что и Вормира. На последней встрече она сказала: «Значит, я что-то делала не так. Посылала неправильные вибрации во Вселенную», даже собственное увольнение она объяснила своей виной, а не решением руководства сократить расходы. Идеальный инструмент контроля: человек винит себя, а не систему.

Вормир вышел из магазина, сел в кафе и заказал кофе.

За соседним столиком двое мужчин в дорогих костюмах обсуждали что-то:

— ...эти левые всё о справедливости ноют. О минималке, о налогах на богатых. Не понимают базовых вещей: экономика — это не благотворительность. Хочешь больше зарабатывать — учись, работай, развивайся.

— Точно. Я вот с нуля начал, и где я теперь? Они просто ленивые. Хотят всё на блюдечке.

— Свободный рынок — справедливая система. Кто больше пользы приносит, тот больше получает.

Вормир невольно прислушивался.

«Свободный рынок справедлив» — эту мантру он слышал тысячу раз. Но так ли это?

Он открыл ноутбук, начал искать данные.

Россия, распределение богатства:

- 1% населения владеет 58% национального богатства
- 10% владеет 87%
- Оставшиеся 90% населения делят 13%

Справедливо ли это?

США (страна «свободного рынка»):

· Три богатейших человека владеют состоянием, равным богатству беднейших 50% населения (165 млн человек)

- СЕО крупных корпораций зарабатывают в 320 раз больше среднего работника

Справедливо ли это?

Аргумент всегда один: «Они больше вкладывают, больше рискуют, больше создают».

Но так ли?

Вормир читал дальше: Jeff Bezos, основатель Amazon, богатейший человек планеты. Его состояние — около \$200 млрд.

Amazon работает на складах, где:

- Рабочие мочатся в бутылки, потому что нет времени на туалет
- Травматизм выше, чем в среднем по отрасли
- Зарплата около минималки
- Профсоюзы запрещены

Bezos зарабатывает \$321 млн в день. Складской рабочий — \$15 в час.

Кто создаёт ценность? Тот, кто паковал ваш заказ в коробку, или тот, кто владеет акциями?

Ответ системы: владелец. Потому что «он создал компанию».

Но создал ли? Или эксплуатирует труд других, присваивая львиную долю результата?

Вормир записал:

«КАПИТАЛИЗМ: РЕЛИГИЯ УСПЕХА»

Догматы:

1. Свободный рынок справедлив (как "пути Господни неисповедимы")
2. Богатые заслужили своё богатство (как "праведники попадут в рай")
3. Бедные сами виноваты в бедности (как "грешники попадут в ад")
4. Работай усердно — станешь богатым (как "молись — попадёшь в рай")
5. Если не получилось — значит, плохо старался (как "Бог не услышал, потому что грешен")

Реальность:

Система построена так, чтобы богатые богатели, а бедные оставались бедными.

Мобильность между классами — миф. Статистика показывает: шанс подняться из нижних 20% в верхние 20% — менее 7%.

93% остаются в том классе, в котором родились, с вариацией ± 1 уровень.

Но миф о «равных возможностях» необходим. Иначе люди поймут, что игра изначально нечестная.

Вормир посмотрел на мужчин за соседним столиком. Дорогие костюмы, часы, уверенность в голосах.

Он готов был поспорить: оба родились в обеспеченных семьях. Получили качественное образование (оплаченное родителями). Начали карьеру с помощью связей семьи. Получили стартовый капитал (от родителей или инвесторов из круга семьи).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.